

Е Цинлань и Сун Юфэй радостно вышли из виллы — пошли «проедать» свой давно заработанный приз в виде морского пира.

А Цзи Шиньянь и Ци Янь оба придерживались мнения, что «люди живут ради еды», и хотя деньги они уже растратили, уж не даст же съёмочная группа им умереть с голоду, так что они тоже вышли поесть.

Во всём доме остались только Цун Цзиньюэ и Чжан Хуайсю.

Цун Цзиньюэ уставился на зелёные, сухие, жесткие продукты на кухонном столе — и накатила волна сожаления.

Если бы не вчерашний поход в супермаркет, когда он увидел, что корзина Чжан Хуайсю полностью забита куриной грудкой и брокколи; если бы не его собственное недавнее заявление на камеру, что он «будет ровняться на учителя Чжана» — он бы никогда в жизни так не помутился, чтобы швырнуть в тележку такие же продукты.

И вот теперь это невкусное...

Он же ни худеет, ни набирает мышечную массу — как Чжан Хуайсю умудряется есть это по несколько дней подряд? Он вообще нормальный человек?

Лучше бы он пошёл с ним есть лососевый суп.

Он был полон мрачных мыслей. Еле-еле сообразил что-то съедобное, только начал есть — и уже не смог продолжить.

Как корова, жующая траву. Хотя, может, это просто он готовит ужасно.

Он повернулся, взгляд сам собой скользнул к человеку напротив — и опять остановился на его лице.

Спокойный, холодноватый, сдержанный. Ничем не отличается от обычного.

Значит... случившееся прошлой ночью, похоже, никак на нём не сказалось?

Цун Цзиньюэ задумался, задержав взгляд на нём подольше.

Сегодня Чжан Хуайсю не стал делать укладку — мягкие прямые чёрные волосы естественно падали на лоб, закрывая часть бровей. На нём была свободная хлопковая футболка и серые домашние шорты, открывающие длинные ноги.

Совсем не похож на того безупречного, строгого, недостижимого актёра-лауреата трёх наград, которого видят зрители.

Хотя, возможно, потому что он всегда слишком далёк от публики, годами не ходит на шоу, живёт как аскет.

Цун Цзиньюэ хотел подойти и убедиться, что он точно в порядке после вчерашнего, но не знал, что сказать.

С каких пор он стал таким суетливым?

Он подпёр щеку рукой, жуя безвкусную еду.

«Уф, обожрались! Мы вернулись!» — Е Цинлань и остальные вошли в виллу.

Е Цинлань, проходя мимо столовой, заметил содержимое их тарелок и замер на шаге — во взгляде мелькнула тень отвращения.

Эээ... ну, ладно... уважение и благословения...

Цун Цзиньюэ уже с нетерпением ждал возвращения остальных. Он быстро убрал тарелки и затащил Е Цинланя в угол.

«Что вкусного принесли?» — тихо спросил он.

Е Цинлань сразу понял, о чём речь, и фыркнул: «Что такое, брат Цун, несварение?»

Даже если бы они сами не устали от такой еды, он всё равно уже устал смотреть на их бесконечные куриные грудки и брокколи.

Такая внешность — и такая еда. Полное разрушение образа.

Что угодно можно предать, только не еду.

«Мы купили только утку. Будешь?»

«И всё?» — Цун Цзиньюэ моментально стал наглее.

Да, вкус пресный до невозможности, но у него всё же есть свои принципы.

Е Цинлань покачал головой: «Нет. А что ты хочешь?»

«Не люблю утку», — с отвращением ответил Цун Цзиньюэ.

Е Цинлань мысленно закатил глаза.

Ты что, тут ресторан открыл?

Цун Цзиньюэ с видом человека, снизошедшего до простолюдина, сказал: «Ладно, неси уже».

Е Цинлань: «...»

Это нормально вообще?

Он вернулся и сунул пакет с уткой Цун Цзиньюэ.

В этот момент мимо прошёл Чжан Хуайсю с вымытыми тарелками. Его осанка была прямая, шаг — спокойный. Он на секунду задержал взгляд на пакете с уткой в руках Цун Цзиньюэ.

А тот — улыбается, как кот, укравший сметану.

Чжан Хуайсю: «.»

Под его взглядом Е Цинлань машинально потрогал щёку и натянуто сказал: «Э... Здравствуйте, учитель Чжан...»

Неясно почему, но он тоже почувствовал себя виноватым.

Цун Цзиньюэ же был бесстыдным как кирпичная стена. Чжан Хуайсю ещё ничего не сказал, а он уже начал играть роль. Улыбаясь, помахал пакетом:

«Учитель Чжан, всё доели? Я вот как раз рассказываю учителю Е о нашей здоровой диете. Чтобы он меньше ел вредного».

Е Цинлань и пакет утки: «...»

Ты чего несёшь?

И хватит уже так врать.

Чжан Хуайсю ничего не ответил, только холодно глянул и ушёл.

Е Цинлань хотел возмутиться: «Ну...»

Но Цун Цзиньюэ лихо подмигнул ему, сжал пакет и мгновенно убежал к себе.

Днём — зал бадминтона, жарко, душно.

Пары для игры в бадминтон. Все переоделись в спортивные быстросохнувшие костюмы.

Что бы они ни играли, правила всегда одинаковы... и результат тоже.

После слов режиссёра о «свободном выборе партнёров» Сун Юфэй и Е Цинлань сразу же объединились — как будто заранее договорились.

Чжан Хуайсю уже пошёл к Цзи Шиньяню, но Ци Янь оказался быстрее.

«Маленький Цзи, я с тобой», — сказал Ци Янь.

Цзи Шиньянь показал ОК.

Чжан Хуайсю: «...»

Он оглянулся — и увидел, что Цун Цзиньюэ тоже стоит один.

«.....»

Цун Цзиньюэ улыбнулся ярко и сказал:

«Учитель Чжан, не стесняйтесь, я вам не помешаю».

И даже наклонил голову и подмигнул.

Разумеется, его самоуверенность скоро получила оплату.

Поодиночке оба — бомбы. Вместе — катастрофа.

Перед началом они ещё спокойно разговаривали, Цун Цзиньюэ пытался делиться стратегиями, но Чжан Хуайсю считал, что может один играть за двоих, и остальные вообще лишние.

После нескольких попыток обсуждения Чжан Хуайсю не выдержал:

«Ты что, утки наелся? Шумный до ужаса».

Крякающий, значит.

Цун Цзиньюэ застыл.

Эээ... почему меня оскорбляют?

Погодите. Утки? Он знает, что я ел утку?

Всё раскрылось?!

Потом — Чжан Хуайсю настолько увлёкся игрой, что неожиданно резко отступил назад и врезался в Цун Цзиньюэ. Мало того, ещё и наступил на ногу.

□НР Цун Цзиньюэ -1□

Он поморщился, но сдержался.

Они поменялись местами.

Цун Цзиньюэ увлёкся ударом... и только в последний момент вспомнил, что сзади человек.

Он остановился, а волан прилетел прямо в лицо Чжан Хуайсю, который уверенно ждал, что партнёр его прикроет.

На лице осталась красная отметина.

□НР Чжан Хуайсю -5□

Ещё пару раундов — и обоим понадобилось бы «вторая жизнь».

Цун Цзиньюэ не выдержал первым:

«Учитель Чжан, ты видел, сколько раз ты меня уже раздавил? Ты играешь настолько плохо?»

Чжан Хуайсю тоже взорвался:

«Ты ещё смеешь говорить? Ты в середине удара останавливаешься — что, ждёшь, пока я тебя подзаряджу, китайский ноунейм?»

Ссора усиливалась, аргументы становились всё абсурднее.

Остальным стало страшно. Режиссёр поспешно объявил перерыв.

Цун Цзиньюэ не унимался:

«А раньше ты в школе со мной сражался — так бодро! Что, деградировал? Маленький Чжан?»

«Маленький... что?!»

У Чжан Хуайсю вздулись вены. Он несколько раз собирался швырнуть ракетку в лицо оппонента.

«Тогда сыграем один на один. Кто из нас слабый — сразу станет ясно».

«С удовольствием».

Режиссёр пытался остановить — бесполезно. Они потребовали личный матч, и победитель должен получить право менять партнёра.

Режиссёр, понимая, что без этого съёмки встанут, согласился.

Остальные участники оцепенели. С одной стороны — интересно. С другой — никто не хотел быть их партнёром потом.

Матч один на один начался.

Дрались так яростно, что Е Цинлань с остальными даже испугались.

Каждый удар — будто они пытались убить волан.

Через 20 минут Е Цинлань уже зевал.

Невозможно. Двадцать минут — и всё ещё ничья.

Они что, бессмертные?

Их матч пришлось остановить. Оба выложились до конца, промокли, лица побледнели — и всё равно ничья.

Режиссёр осторожно сказал:

«Учителя... ну... победителя нет...»

Чжан Хуайсю устало выдохнул:

«Есть ли сценарий? Дайте мне сценарий. Я готов играть любого. Главное — смените мне партнёра».

Он был искренне измучен.

Проигрывать, ссориться — всё достало.

Когда бадминтон — его лучший спорт!

С этим идиотом — только поражения.

Без него — хотя бы ничья.

Так невозможно. Дайте другого партнёра.

Режиссёр развёл руками:

«Ай-ай... учитель Чжан... в нашем шоу нет сценариев...»

(много жалоб и нытья — вырезано)

«Другие участники же уже в парах... разрывать — нехорошо... может, вы сами спросите, кто согласен поменяться?»

Чжан Хуайсю задумался.

Цун Цзиньюэ смотрел на его профиль и онемел.

Ты серьёзно поверил?

Чжан Хуайсю не хотел давить на режиссёра, повернулся к остальным.

Но все только отводили глаза и делали вид, что очень заняты.

Чжан Хуайсю: «...»

Цун Цзиньюэ, понимая, что от него толку мало, сел рядом с Сун Юфэем и начал:

«Маленький Сун, может ты...»

Сун Юфэй резко перебил:

«Эй, учитель Цун! Мы с учителем Е идеально сработались, я не хочу менять!»

Цун Цзиньюэ: «...»

В итоге — оставшаяся часть двойного матча стала полным крахом дуэта Цун-Чжан.

После скандала они вообще не общались — либо оба били по одному мячу, либо оба уступали друг другу. И закономерно заняли последнее место.

<http://bllate.org/book/12072/1079970>